Без фильтра

Ида Норд

Ада Норд

Без фильтра

«Автор»
2026

Норд А.

Без фильтра / А. Норд — «Автор», 2026

Дети выросли и разъехались. На работе вам вежливо предлагают «делиться опытом с молодыми». Платье, в котором вы когда-то познакомились с мужем, больше не застёгивается. А муж за ужином говорит «нормально» и уходит мыть термос.У Веры, пятидесяти восьми лет, всё так и есть. Однажды она выкладывает снимок со спины: мамино синее платье в горошек, молния не сходится на четыре пальца. Утром у фотографии миллион двести тысяч просмотров, через месяц у Веры двести тысяч подписчиц, и все ждут от неё правды «без фильтра».Только правду Вера как раз и прячет. И, кажется, не она одна. А бренд косметики зовёт Веру с мужем сняться в рекламе про счастливый брак, и к 14 февраля их лица повесят на билборд посреди Петербурга. В этот день всё и всплывёт.И не зря в комментариях кто-то каждый день спрашивает: «А муж что?»Смешной и пронзительный роман о том, что не показывают в кадре.

© Норд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Осень 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ада Норд
Без фильтра

Часть первая. Осень
«Пустой дом»

Сентябрь, октябрь, ноябрь

Глава 1
Миллион двести

Будильник я поставить забыла, но проснулась всё равно в шесть пятьдесят. Двадцать четыре года я вставала в это время, чтобы будить Макса, и тело, видимо, не получило уведомления, что Макс со вчерашнего дня живёт в Москве.

Телефон лежал экраном вниз. Я его так положила ночью, потому что он жужжал без остановки, а я решила, что это опять магазин сантехники. Он на меня подписан. Я не знаю почему. Я у них ни разу ничего не купила, даже прокладку для крана (хотя кран, между прочим, течёт третий месяц).

Я перевернула телефон.

Под фотографией, которую мы с Ирой выложили вчера в полдень, после второго бокала, было написано: 1,2 млн.

Сначала я подумала, что это рубли. Что мне что-то начислили или, скорее, списали. Потом надела очки.

Просмотры.

Марк спал, отвернувшись к стене. Я посмотрела на его спину, потом на свою, на экране, и тихо, чтобы не скрипнула кровать, ушла на кухню. Мне почему-то не хотелось, чтобы он это видел. Хотя он ничего бы не сказал. Он бы сказал «угу».

* * *

Вчера с утра всё было обычно, если не считать того, что сын уезжал.

На Московском вокзале было полно народу, и почти все кого-то провожали. Я раньше не замечала, сколько на перроне женщин моего возраста. Стоят и смотрят в одну точку, и лицо у всех одинаковое. Наверное, у меня тоже.

Макс был в той самой куртке, которую я просила его не брать, потому что она осенняя, а в Москве, говорят… Хотя что говорят про Москву, я не знаю. Ничего не говорят. Я просто хотела, чтобы он взял пуховик.

— Мам, я тебе позвоню, когда приеду.

— Когда устроишься.

— Когда приеду. Потом когда устроюсь. Два раза позвоню, ок?

Он со мной торгуется с трёх лет. Ему двадцать четыре, у него контракт с конторой, название которой я так и не научилась выговаривать (там три английских слова и ни одного понятного), а торгуется он всё так же.

Марк поставил чемодан в тамбур, постоял, хотел что-то сказать. Не сказал. Хлопнул сына по плечу два раза. У Марка вообще всё по два раза: два раза проверить плиту, два раза хлопнуть по плечу. На любой вопрос у него тоже слова два, если повезёт.

Поезд ушёл в семь десять. Мы стояли и махали, хотя Макс уже не смотрел. Он сел у прохода, и я видела, как он сразу достал наушники.

— Ну всё, — сказал Марк.

Я ждала, что он предложит позавтракать. Мы лет тридцать не завтракали вдвоём в кафе. Я даже знала, куда: на Лиговском есть место с сырниками, Ира хвалила.

— Мне на объект надо.

— Ты же отпросился.

— Позвонили, — сказал Марк и поцеловал меня куда-то в волосы, над ухом. Промахнулся, наверное.

Он ушёл к машине. Я смотрела ему вслед: высокий, сутулый, пиджак сидит как на вешалке. Когда он успел похудеть? Я как-то пропустила.

* * *

Дома я первым делом увидела пропуск. Он висел в прихожей на крючке, где у нас ключи от дачи и зонт, который никто не берёт, потому что он сломан. Синяя карточка с фотографией десятилетней давности. На фото у Марка ещё есть шея.

Значит, забыл. Без пропуска его не пустят, и он приедет к обеду. Я, честно, обрадовалась. Поставила суп. Обычный, куриный, с вермишелью. Максу такой не нравился, а Марк любит.

Пока суп варился, пришло сообщение от Киры.

Кира у нас руководитель направления. Ей тридцать один год. Когда она пришла стажёркой, я объясняла ей, что «уникальный» не бывает «самым уникальным». Теперь она пишет мне: «Вера Николаевна, доброе утро! Заглянете в понедельник в 10? Хотим обсудить вашу новую роль в команде». И в конце две жёлтые ладошки.

Я перечитала раз пять. Дольше всего смотрела на ладошки. Ладошки вверх. Это у них значит «ура»? Или «сдаюсь»? Я всю жизнь пишу тексты за других людей и почти всегда понимаю, что они имеют в виду, лучше, чем они сами. А тут не поняла. Нет, вру. Поняла. Просто не хотелось.

Ответила: «Конечно, Кира, буду». Без восклицательного знака. Потом добавила восклицательный знак. Потом опять стёрла. Отправила без.

* * *

Ира пришла в одиннадцать. Позвонила в домофон и, не дожидаясь вопроса, сказала: «Открывай, это я, у меня просекко». Хорошо, что не соседи.

Она прошла сразу в комнату Макса, будто знала, где меня искать, хотя я была на кухне. Потом вернулась.

— А ты чего не там?

— А почему я должна быть там?

— Я бы была там, — сказала Ира. — Я, когда Сонька уехала, три дня там сидела. Валера думал, я с ума сошла. Валера вообще думает, что я с ума сошла, с девяносто восьмого года.

Мы пошли в комнату Макса вдвоём. Сели на кровать. Ира разлила просекко в кружки, потому что бокалы в серванте, а сервант надо открывать ключом, а ключ… ну, неважно.

На стене, где у Макса висели плакаты, остались светлые пятна. Я смотрела на них и не могла вспомнить, какого цвета вообще были обои. Оказалось, персиковые. Я сама их выбирала, когда ему было три. Тогда мне казалось, что персиковый успокаивает. Не знаю, успокоил ли он кого-нибудь.

— Обои переклеишь? — спросила Ира.

— Не знаю.

— Я бы переклеила. Или нет. Не знаю. — Ира допила. — Давай что-нибудь сделаем.

«Давай что-нибудь сделаем» у Иры означает что угодно. В восьмом классе это означало проколоть уши иголкой, прокалённой над газовой плитой. В девяносто шестом это значило поехать на пароме в Хельсинки на один день и опоздать на обратный. В две тысячи десятом записаться на танго, откуда нас через месяц вежливо попросили.

Сегодня это означало шкаф.

Шкаф в комнате Макса мамин, громадный, полированный, с антресолью. На антресоли лежит то, что я не выкидываю, но и не достаю. Ира встала на стул (я держала стул, она держала кружку) и вытащила чехол.

— Это то самое?

Это было то самое. Синее платье в белый горох. Мама шила его весной девяносто первого, ткань доставала через знакомую в Гостином, полметра не хватило, и поэтому сзади на подоле есть вставка, которую, кроме меня, никто никогда не замечал. В июне я надела его на развод Дворцового моста. Марк тогда подошёл и спросил, который час. Потом он признался, что часы у него были, просто он не знал, с чего начать.

Про часы я никому не рассказывала. Даже Ире. А Алисе, когда она в десятом классе требовала «историю вашего знакомства» для школьного проекта, я вообще сказала, что в библиотеке.

— Надевай, — сказала Ира.

Я сказала, что нет. Потом сказала, что ни за что. Потом надела, потому что это Ира и потому что просекко.

Молния застегнулась примерно до лопаток и встала. Я дёрнула. Она не поехала. Ира сказала: «Не дёргай, порвёшь, это история». И я стояла так, у окна, с открытой спиной, а Ира молчала, что для неё очень странно, и потом я услышала щелчок.

— Не надо.

— Посмотри сначала.

Я посмотрела. Лица там не было: только спина, это несчастное платье и светлые пятна на обоях. И окно в наш двор, где ничего не видно, кроме стены напротив. Я подумала, что это довольно грустная фотография. Потом подумала, что, может, и не грустная. Не поняла.

— Выкладывай, — сказала Ира.

У меня двести четырнадцать подписчиков. Половина с работы, остальные родственники, моя маникюрша Оксана и та самая сантехника. Последний раз я что-то выкладывала на Пасху позапрошлого года: куличи. Кулич получился кривой.

Я начала писать подпись. Двадцать пять лет я придумываю подписи к чужим фотографиям, и пальцы сами набрали что-то с восклицательным знаком и звёздочкой. Я стёрла. Набрала другое, ещё хуже: «Дети выросли. А мы?» Как реклама курсов. Стёрла.

Потом просто написала, как было:

«Сын сегодня уехал. Платье осталось. Я, кажется, тоже».

Хотела ещё про мост. Ира сказала, не надо, длинно будет. Я всё-таки дописала, коротко.

Нажала. Сунула телефон в карман халата (платье я к тому времени сняла, Ира помогала и ругалась на молнию) и пошла выключать суп, который почти выкипел.

* * *

Марк не приехал к обеду. Он приехал в половине седьмого, как всегда. Я разогрела суп второй раз.

— Как ты без пропуска-то? — спросила я, когда он сел.

Он посмотрел на крючок, потом на меня. Пауза была короткая.

— Охрана знает.

Мы поели. Он сказал, что суп вкусный, я сказала, что Макс доехал. Он сказал «хорошо». По телевизору шли новости, где-то что-то горело. Мы смотрели, как оно горит.

Про платье я ему не сказала. Сначала думала, скажу за ужином, потом думала, после. Потом он лёг.

* * *

И вот я сидела на той же кухне, в шесть пятьдесят пять, с остывшим чаем, и листала комментарии. Их было три тысячи девятьсот с чем-то. Я читала, и у меня дрожали руки, как в тот раз, когда я ждала результатов анализов, хотя ничего плохого там в итоге не оказалось.

Писали женщины. В основном женщины. Из Твери, из Казани, из Минска, одна из Хайфы. Кто-то плакал, кто-то шутил про молнию, кто-то спрашивал, где купить такое платье. Одна написала, что тоже вчера проводила дочь и сидит в её комнате. Я ей ответила. Первый раз в жизни ответила незнакомому человеку в интернете, и было ощущение, что я сделала что-то неприличное.

В семь ноль две пришло сообщение от Алисы. Без «доброе утро». Без смайлика.

Я его прочитала и положила телефон обратно экраном вниз.

Интерлюдия

[Фото: спина женщины в синем платье в белый горох, молния не застёгнута. Окно во двор-колодец, на персиковых обоях светлые прямоугольники.]

vera_9liniya

Сын сегодня уехал. Платье осталось. Я, кажется, тоже.

В этом платье я в 91-м стояла у Дворцового моста, когда его разводили. Там мы и познакомились с мужем. Молния тогда застёгивалась.

♥ 48 312 · комментариев: 3 907

tatiana.tver вчера дочку в казань проводила. реву второй день. спасибо что написали, думала я одна такая дура

marina_1967 МОЛНИЯ ЕРУНДА!!! вы красивая♥♥♥ (у меня такое же было в горошек только красное)

lena.k а муж что?

g.semenova Как точно сказано: «я, кажется, тоже». Благодарю Вас.

oksana_nails_vo Вера Николаевна!!! это вы??!!!

santehnika_spb Смесители со скидкой до 40%, только до воскресенья!

Личное сообщение от alisa.pr, 07:02:

Мама. Удали это, пожалуйста.

Глава 2
Новая роль в команде

К понедельнику просмотров стало два миллиона триста тысяч, а подписчиков сорок одна тысяча. Я знаю точно, потому что считала. Не специально. Просто брала телефон посмотреть, который час, видела цифру, и цифра каждый раз была другая.

Марк за выходные ничего не спросил. В субботу он ездил на дачу закрывать воду, в воскресенье смотрел футбол и чинил дверцу шкафа, которая не закрывается с весны. Дверца так и не закрылась. Один раз я видела, как он взял телефон, долго в него смотрел и положил обратно. Может, читал новости. Может, нет.

Алисе я так и не ответила. Её «Мама, удали это, пожалуйста» висело наверху переписки, и каждый раз, когда я открывала сообщения, оно было первым. В субботу вечером она прислала ещё одно: «Ты видела, что пишут?» Я видела. Я не поняла, что именно она имела в виду, потому что писали много разного. Ответила: «Поговорим на неделе». Это было первое за много лет сообщение дочери, после которого я не поставила сердечко.

* * *

Агентство у нас на Петроградке, в бывшей типографии. Когда я пришла туда в две тысячи первом, там ещё пахло краской. Теперь пахнет кофе из капсул и чем-то сладким, что жгут в аромалампе у ресепшена. Девочка на ресепшене меняется примерно раз в год, и каждая новая спрашивает, к кому я.

— Я здесь работаю, — сказала я в понедельник новой девочке.

— Ой, извините, — сказала она и посмотрела внимательнее. — Подождите. Это же вы? Платье?

Вот так. С две тысячи первого года. Бронза на одном фестивале, серебро на другом, слоган для молочного комбината, который до сих пор висит на трамваях. А узнали по молнии.

Кира ждала меня в переговорке, которая называется «Смелость». Остальные называются «Честность», «Скорость» и «Кофе». Названия придумывала не я, хотя меня просили. Я тогда предложила назвать их по районам: «Пески», «Коломна», «Охта». Кире показалось, что это скучно.

В «Смелости» вместо стульев лежат мешки. Сидеть в мешке в пятьдесят восемь лет можно, но вставать потом неловко, особенно в юбке. Я присела на подоконник.

— Вера Николаевна! — Кира улыбнулась. У неё очень хорошие зубы, я всегда это отмечала. — Как вы? Я видела, у вас там жизнь кипит!

— Сын уехал, — сказала я.

— Да, я видела. Это так трогательно, мы с девочками все плакали. Слушайте, а вы это сами сняли? Свет такой.

— Подруга.

— Супер. — Кира открыла ноутбук и повернула ко мне. — Смотрите. Мы тут много думали про структуру команды.

На экране была схема. Кружочки, стрелочки, много бирюзового. В центре кружочек «Тимур». От него стрелочка к кружочку «Клара». Клара — это наша нейросеть, её купили весной, и все называют её по имени, как будто она работает у нас с девяностых. От Тимура и

Клары вниз шла пунктирная стрелочка к маленькому кружочку сбоку. В маленьком кружочке было написано: «Вера Н., наставник, редактор смыслов».

Я смотрела на этот кружочек и думала, что «редактора смыслов» не пропустила бы ни в одном тексте. Слишком красиво.

— То есть тексты пишет Тимур, — сказала я.

— Тимур и Клара. Тимур ставит задачу Кларе, Клара даёт варианты, Тимур выбирает. А вы смотрите сверху, своим опытом. Мы очень ценим ваш опыт, Вера Николаевна.

Тимуру двадцать шесть. Он пришёл к нам год назад из интернет-магазина, где писал описания кроссовок. Хороший мальчик, носит свитер с оленями в любую погоду и однажды спросил меня, кто такой Довлатов, потому что клиент попросил «интонацию как у Довлатова». Я дала ему почитать «Чемодан». Он вернул через неделю и сказал, что вайб понял.

— А ставка? — спросила я.

Кира помолчала. Совсем чуть-чуть, но паузы я слышу лучше, чем слова. Работа такая.

— Мы думаем про ноль пять. Пока. Это ведь меньше нагрузки, вы же сами говорили, что устаёте.

Я не помнила, чтобы так говорила. Может, и говорила. Все устают.

Тут, наверное, надо было что-то сказать. Про бронзу. Про трамваи с молоком. Про то, что Клару я видела в работе и она пишет «в современном мире» через строчку. Я даже начала формулировать, у меня уже был первый абзац.

Но я посмотрела на Киру, на мешки, на табличку «Смелость» на двери, и мне вдруг стало очень скучно. Даже не обидно. Скучно, как бывает на чужом дне рождения, когда торт уже съели.

— Хорошо, — сказала я. — Давайте попробуем.

Кира так обрадовалась, что мне стало её почти жалко. Видимо, она готовилась к другому разговору.

— Вы лучшая! — сказала она. — Правда. И слушайте, а можно мы ваш кейс разберём на планёрке? Ну, с платьем. Это же органика чистая, мы клиентам за такое…

— Нет, — сказала я.

Это было второе «нет» за неделю. Первое я сказала Алисе, правда молча: просто не удалила пост.

* * *

Обедала я одна, в кафе на углу, где берут шаверму курьеры. Раньше мы ходили туда с Наташей из бухгалтерии, но Наташу «оптимизировали» в прошлом году, и теперь она в Анапе продаёт квартиры. Иногда присылает фото моря.

Пока ждала заказ, открыла телефон. Сорок три тысячи. Комментариев столько, что приложение показывало не число, а «4,8 тыс.». Раньше я никогда не читала комментарии под своими постами, потому что их было два: от двоюродной сестры и от маникюрши. Теперь начала читать по порядку, с самого первого.

Через двадцать минут шаверма остыла.

Писали в основном женщины. Им было пятьдесят, шестьдесят, одной, судя по фото, за восемьдесят. Они писали про детей, которые уехали в Москву, в Казань, в Ереван, в Лиссабон, и про то, что дома стало тихо. Писали про свои платья: у кого-то было в горошек, у кого-то в клетку, у одной свадебное, которое она перешила дочери, а дочь его так и не надела. Одна написала: «Я думала, это только у меня так». Под этим было двести лайков. Двести человек думали, что это только у них.

Были и другие. «Бабка, иди огород полоть». «Сколько заплатили за пиар?» «Спину бы подкачать». Таких было немного, но читала я их, конечно, дольше всего. Потом отложила телефон, съела холодную шаверму и решила, что подкачать спину, в общем, не самая плохая идея.

* * *

Вечером Марк пришёл в половине седьмого. Мы ели гречку с котлетами. Он спросил, как работа. Раньше он никогда не спрашивал, у нас это было не принято: работа и работа. Я сказала: «Нормально, перестановки». Он сказал: «У всех перестановки». И посмотрел в тарелку.

Котлету он доел, а гречку оставил.

После ужина он пошёл к телевизору, а я в комнату Макса. Я теперь хожу туда, как в кабинет. Там тихо, там кровать, на которой можно сидеть, поджав ноги, и там светлые пятна на обоях, к которым я как-то привыкла.

Я начала отвечать.

Сначала было страшно, как будто пишу не людям, а в газету. Писала, стирала, писала снова. Потом поняла, что это смешно. Всю жизнь пишу тексты, которые читают сотни тысяч людей, и ни разу не боялась. А тут не могу написать двух предложений женщине из Твери, которой в субботу уже отвечала.

Ответила ей ещё раз: «Татьяна, сидите в её комнате сколько нужно. Я тоже сижу». Потом Марине, у которой было красное платье в горошек: «Покажите, если сохранилось». Марина через минуту прислала фото. Она стояла в этом платье у старой «Волги», молодая, тонкая, и щурилась от солнца. Я рассматривала это фото дольше, чем следовало.

Потом ответила третьей. Десятой. Сороковой.

Под каждым моим ответом появлялись новые. «Ой, она отвечает!», «Вера, вы настоящая?», «Можно в личку?». Я отвечала. Это было похоже на то, как в детстве на даче мы с сестрой пускали кораблики по ручью: пускаешь один, он плывёт, и ты бежишь рядом.

Около одиннадцати я заметила, что одно имя появляется под всеми постами, даже под старыми куличами: g.semenova. Аватарки нет. Пишет коротко и всегда очень грамотно, со всеми запятыми, «Вы» с большой буквы. Под куличами она написала: «Кулич, может быть, и кривой, но Вы его испекли. Это главное». Я ответила: «Спасибо». Подумала и дописала: «Вы очень хорошо пишете». Она поставила лайк и больше ничего не написала.

В половине двенадцатого Марк заглянул в комнату.

— Ты спать?

— Сейчас.

Он постоял в дверях. Посмотрел на светлые пятна на стене. Хотел, кажется, что-то сказать. Не сказал.

— Ты сто комментариев ответила, — сказал он вдруг. — Я видел.

Я подняла голову, а его уже не было. Я так и не поняла, откуда он знает, сколько я ответила, если при мне ни разу не открывал мою страницу. Решила, что Ира ему сказала. Ира всем всё говорит.

Потом я посчитала. Ответов было сто четыре.

Интерлюдия

[Фото: кружка на рабочем столе, на ней полустёртая надпись «Лучший копирайтер 2009». На заднем плане мешок-кресло и табличка на двери «Смелость».]

vera_9liniya

Сегодня у меня на работе появилась новая роль в команде. Переговорка называлась «Смелость», а сидеть там надо в мешке. Встать из мешка в юбке, кстати, тоже смелость.

Кружку не отдам.

♥ 61 540 · комментариев: 2 211

dasha_dsgn Вера Николаевна, я из вашего агентства, вы лучшая, это все знают!! (только не говорите Кире, что я написала)

nadezhda_ekb меня тоже так «перевели». на 0,5. через полгода совсем. держитесь

lena.k а муж что?

g.semenova Кружку не отдавайте. И себя тоже.

timur_writes Вера Николаевна, вы теперь мой наставник? это огонь!

marina_1967 вот моё!! 1987 год ♥ *[фото: девушка в красном платье в горошек у старой «Волги»]*

Глава 3
Термос (Марк)

Марк просыпался в шесть пятнадцать без будильника. Двадцать шесть лет на одной работе приучили. Вставал тихо, чтобы не разбудить Веру, хотя в шесть пятьдесят она всё равно просыпалась. Он слышал это из кухни: скрип кровати, шаги, потом тишина. Раньше после тишины открывалась дверь в комнату Макса. Теперь не открывалась. Вера просто стояла в коридоре. Это он тоже слышал.

На кухне он варил кофе в турке и переливал в термос. Термосу было лет пятнадцать, крышка треснула, и Марк обмотал её синей изолентой. Вера дважды предлагала купить новый. Он отвечал: «Этот работает».

Потом брился, надевал рубашку, брюки и пиджак. Галстук давно не носил, а пиджак носил всегда, даже когда ездил на объект. Объектов последние годы стало меньше, в основном он сидел в офисе на Обводном, в кабинете с табличкой «Главный инженер проекта».

Табличку сняли второго сентября. Завхоз Гена открутил два шурупа и унёс её под мышкой, глядя в пол. Марк стоял рядом с коробкой, в которой лежали его кружка, калькулятор и фотография Веры с детьми в Комарово. Он хотел сказать Гене, чтобы тот не переживал, но не сказал.

В приказе это называлось «оптимизация штатной численности проектного отдела в связи с изменением портфеля заказов». Вера бы оценила формулировку. Марк подписал, получил выходное пособие и посчитал, что, если не трогать, его хватит до Нового года. До пенсии оставалось пять лет. Это он тоже посчитал, в тот же вечер, в машине.

Пропуск у него забрать забыли. Он так и висел дома на крючке, рядом с ключами от дачи, и больше ничего не открывал. Выбросить его Марк не мог. Когда Вера в день отъезда Макса спросила, как его пустили без пропуска, он сказал первое, что пришло в голову. «Охрана знает». Охрана и правда знала. Знала, что он там больше не работает.

* * *

В семь двадцать он уходил. Вера говорила из комнаты Макса «пока», он отвечал «пока».

Первую неделю он по привычке заезжал с утра на Обводный. Вставал на другой стороне канала и смотрел, как заходят в здание бывшие коллеги. Молодые с кофе в бумажных стаканах. Сергеев, с которым они вместе пришли в девяносто девятом, с той же сумкой через плечо. На четвёртый день Марк поймал себя на том, что ждёт, когда Сергеев выйдет курить, чтобы помахать ему через канал. Он завёл машину и уехал. Больше туда не ездил.

Теперь у него было расписание. Он составил его так же, как составлял графики работ: на листке в клетку, с запасом по времени.

Место он выбрал в первый же день. Второго сентября, забрав с Обводного коробку, он постоял у гипермаркета на Пулковском шоссе, потом у строительного рынка на Софийской, где можно было сделать вид, что выбираешь плитку, а к обеду встал на парковке торгового центра на Московском проспекте. Дальше ездил только туда, с восьми до пяти. Первые три часа там бесплатно, потом почасовая оплата. Марк посчитал: выходило дешевле, чем жечь бензин по городу. В пять ехал домой, медленно, через центр, в пробках. Во двор въезжал в шесть

десять и ещё двадцать минут сидел в машине. Домой нельзя было приходить раньше половины седьмого. За двадцать шесть лет он ни разу не приходил раньше.

В машине у него были термос, телефон и тетрадь. В тетрадь он записывал вакансии, ручкой, по старинке: название, должность, телефон, дата. Отправил двадцать три резюме. Ответили трое. Двое вежливо отказали, один позвал на собеседование в четверг.

Сергееву он позвонил один раз. Сергеев обрадовался, спросил, как дела, и сказал: «Марк, ну ты сам понимаешь, после шестидесяти сейчас никого не берут. Но я поспрашиваю». Марк сказал «спасибо». Больше не звонил.

* * *

В субботу он ездил на дачу закрывать воду на зиму. Когда спускал трубы, позвонил брат.

— Это твоя Верка в интернете? — спросил Толя вместо «здравствуй». — В платье?

— Какая Верка?

— Твоя. Мне соседка показала. Миллион просмотров. Ты чего, не видел?

Марк не видел. У него была страничка в этом приложении. Алиса завела ему лет десять назад, чтобы он смотрел фотографии внуков, которых до сих пор нет. На страничке не было ни одного поста. Подписок было десять: Алиса, Макс, Вера и семь каналов про рыбалку.

Он сел на крыльцо и открыл.

Сначала он узнал платье. Потом окно Макса. Потом Веру, хотя лица на фотографии не было, только спина. Он долго смотрел на эту спину. Не помнил, когда в последний раз смотрел на спину жены. Наверное, когда-то смотрел. Не мог не смотреть.

Платье было то самое. Июнь девяносто первого, Дворцовый мост, белая ночь. Он тогда подошёл к ней и спросил, который час. Часы у него были. Он снял их и сунул в карман, пока шёл к ней через толпу, потому что не знал, как ещё начать.

Он прочитал подпись. Прочитал комментарии, сколько смог, их было слишком много. Женщины писали Вере так, будто знали её всю жизнь. Один комментарий был совсем короткий: «А муж что?» Под ним стояло четыреста лайков.

Марк закрыл приложение и пошёл доспускать воду.

* * *

В понедельник вечером, после ужина, он сидел перед телевизором. Шёл футбол. Марк его не смотрел. Он смотрел в телефон, где была открыта Верина страница, и каждые несколько минут её обновлял. Под постами появлялись её ответы, короткие, в два-три предложения. Он читал их по одному.

«Татьяна, сидите в её комнате сколько нужно. Я тоже сижу».

Он не знал, что она там сидит. То есть знал, но думал, что убирается.

Ответы он считал, как когда-то считал сваи на объекте: палочками на полях тетради. К одиннадцати вечера палочек стало сто. В половине двенадцатого он заглянул в комнату, увидел её на кровати Макса, с телефоном, с поджатыми ногами, и сказал, что видел. И ушёл, пока она не спросила.

* * *

Во вторник, в двенадцатом часу, он стоял на своей парковке на Московском. Термос был ещё тёплый.

Вчера вечером Вера выложила новый пост: кружку с работы, ту самую, «Лучший копирайтер 2009», и подпись про новую роль в команде. Остальные, наверное, прочитали это как шутку. Марк прочитал как приказ об оптимизации.

Он подумал, что надо спросить её вечером. Подумал, что тогда она спросит в ответ. Подумал, что спросит она правильно, и придётся отвечать.

На часах в машине было 11:40. Он нажал на сердечко под кружкой.

Сердечко стало красным. Марк испугался, как будто нажал пожарную тревогу, и хотел отменить. Потом посмотрел, сколько там было сердечек до него. Шестьдесят одна тысяча. Не заметит. Как можно заметить одно сердечко из шестидесяти тысяч.

Отменять не стал.

В шесть десять он въехал во двор и, как всегда, сел ждать. В окне комнаты Макса горел свет. Вера сидела там, он видел силуэт и голубоватый свет от экрана у её лица. Наверное, отвечала кому-то. Двадцать минут он смотрел на это окно. Потом взял термос и пошёл наверх.

— Как на объекте? — спросила она из комнаты.

— Бетон, — сказал Марк.

Это была правда. На парковке торгового центра действительно был бетон.

Интерлюдия

[Фото: кухонный стол, кастрюля супа и три тарелки. Две пустые, одна полная.]

vera_9liniya

Сварила суп на троих. Нас двое. Столько лет варила на троих, за неделю не разучишься. Третья тарелка пойдёт завтра на обед.

♥ 52 377 · комментариев: 1 846

tatiana.tver а у меня котлет 14 штук нажарено, а нас двое))) кот доволен

nadezhda_ekb я до сих пор покупаю его йогурты. сын уехал 3 года назад. не ест никто

lena.k а муж что? суп ест?

g.semenova Не разучивайтесь. Он приедет, и окажется, что тарелка была нужна.

oksana_nails_vo Вера Николаевна, вы в четверг на маникюр придёте???))) у нас тут уже про вас спрашивают

Нравится: mark.v.1965 и ещё 52 376

Глава 4
Мама, удали

Алиса приехала в среду в одиннадцать утра, без звонка. По средам я теперь не работаю. Ноль пять ставки означает, что в агентство я хожу в понедельник, вторник и пятницу, а в среду и четверг сижу дома «на связи». Связь пока ни разу не понадобилась.

Я услышала, как она открывает своим ключом. Ключ у неё остался с тех пор, как она жила с нами, и она никогда им не пользуется. Звонит в домофон, как гостья. А тут открыла сама. Ключ долго не попадал в замок.

— Мам, ты дома?

— Дома. На кухне.

Она вошла в пальто и не разувшись, что у нас вообще-то не принято. Тридцать два года, красивая, бледная, волосы собраны в узел, как у балерины. Под глазами синева. Я сразу подумала, что она не спит, и тут же подумала, что спрашивать про это нельзя. Иначе мы будем говорить про то, почему она не спит, а она пришла говорить про меня.

— Чай будешь?

— Буду. Нет. Не знаю. — Она села на табуретку, так и не сняв пальто. — Мам, нам надо поговорить про это.

«Это» было в её телефоне. Она положила его на стол экраном вверх. На экране было моё платье.

Я налила ей чай. Она обхватила кружку обеими руками, как в детстве, когда приходила с катка.

— Ты понимаешь, что мне это всё присылают? — сказала она. — Все. Коллеги, клиенты. Вчера звонила Оля из клиники, ну, стоматологии, которую я веду. Говорит: «Алиса, это ваша мама? Слушайте, а она бы не согласилась у нас…» Мам. Я со стыда чуть не умерла.

— Согласилась что?

— Неважно. Это не про это.

Алиса работает в агентстве, которое ведёт соцсети. Не в моём, в другом, поменьше. У неё шесть клиентов: сеть стоматологий, косметический бренд, два ресторана, фитнес-клуб и завод, который делает фанеру и хочет быть «ближе к аудитории». Она раз десять объясняла мне, что такое охваты и вовлечённость. Я каждый раз кивала, потому что у нас в агентстве это тоже объясняют, только другими словами.

— Мам, ты не понимаешь, как работает интернет, — сказала она.

Я подумала, что пишу тексты для интернета с тех пор, как она пошла во второй класс. Но промолчала. Это было бы нечестно, потому что в общем-то она права. Я понимаю, как работает текст.

— Сегодня миллион, а завтра тебя затравят, — говорила Алиса. — Ты видела, что пишут в комментариях? «Бабка, иди огород полоть». Это ещё мягко. Ты выкладываешь нашу квартиру. Окно Макса. По окну можно найти дом, мам. Люди находят по отражению в зрачке, а ты им целое окно.

— Там двор-колодец. Таких дворов в городе десять тысяч.

— Десять тысяч, — повторила она. — Мам, это не шутки.

Она говорила быстро, как говорят на планёрке, и я вдруг поняла, что она приготовила этот разговор. Может быть, ещё в субботу, когда написала «удали это». Может, даже записала

себе тезисы. Она с детства записывает тезисы. В седьмом классе, прежде чем попроситься на дачу к подружке с ночёвкой, она принесла мне листок, где было по пунктам: кто там будет, во сколько приедут родители подружки, телефон и пункт пять «я уже взрослая». Я тогда её отпустила. Из-за пункта пять.

— И ещё, — сказала она. — Это наша семья. Ты выкладываешь нас. Папу, Макса, меня.

— Тебя я не выкладывала.

— Ты выкладываешь себя. А ты моя мама. Это то же самое.

Я хотела сказать, что это не то же самое. Но не нашла как. Я с ней почти никогда не спорю, честно говоря. С Максом спорю, с Марком раньше спорила, с Ирой каждый день. А с Алисой нет. Она с детства как будто старше меня в каких-то вещах. Знает, как надо записываться к врачу, как разговаривать с банком, как отвечать на письма. Я так и не научилась, а она умела всегда. Я ей за это благодарна. И, кажется, немножко её боюсь.

— А папа что говорит? — спросила Алиса.

— Папа говорит «угу».

Она засмеялась, коротко, против воли. Потом перестала.

— Мам. Удали, пожалуйста. Просто удали. Через неделю все забудут.

Телефон на столе погас, и я увидела её заставку. Раньше там была фотография: она и Денис в Абхазии, на фоне какой-то пальмы, оба в одинаковых панамах. Теперь там была просто тёмно-синяя заливка. Я хотела спросить. Не спросила.

— Нет, — сказала я.

Получилось тихо. Я сама себя едва услышала. Алиса подняла глаза.

— Что?

— Нет. Я не буду удалять.

Мы обе замолчали. Капал кран. При Максе я его почему-то не слышала.

Не помню, чтобы я когда-нибудь говорила ей «нет» вот так, без объяснений. Я всегда объясняла. «Нет, потому что поздно». «Нет, потому что дорого». «Нет, потому что папа не разрешит». Всегда было «потому что». А тут его не было. Я сидела и искала, что бы такое к этому «нет» приделать, какое-нибудь «потому что», и не находила. Мне просто не хотелось удалять. Это было моё платье. Моя спина. Мой сын уехал.

— Ты раньше никогда, — сказала Алиса.

— Знаю.

Она смотрела на меня так, как смотрят на знакомую вещь, которая вдруг оказалась не там, где её оставили. Мне стало её жалко. И себя тоже немного.

Кран капнул. Потом ещё раз.

* * *

Пальто она всё-таки сняла. Мы допили чай и поговорили про Макса: как он устроился, что у него на работе, ест ли он что-нибудь, кроме доставки. Алиса сказала, что он ей звонил и что у него «всё норм». У Макса это может значить что угодно, от «получил премию» до «у меня сгорела квартира». Мы посмеялись. Нормально так посидели, как будто ничего не было.

Потом она пошла в туалет и по дороге заглянула в комнату Макса. Я видела, как она остановилась в дверях и смотрит на светлые пятна на стене.

— Персиковые, — сказала она. — Я и забыла.

— Помнишь, как мы их клеили?

— Конечно. Мне было одиннадцать. Ты дала мне кисточку и разрешила мазать клей. Я весь пол заляпала.

— И мне чёлку.

— И тебе чёлку, — согласилась она и улыбнулась. На секунду она стала той девочкой в папиной футболке до колен, с кисточкой.

Потом улыбаться перестала и пошла дальше.

У двери, уже в пальто, она обернулась.

— Хотя бы геолокацию выключи. И не снимай вид из окна. Пожалуйста.

— Хорошо.

— И отвечай не всем. Отвечай тем, кто нормально пишет. Остальных просто не читай.

— Хорошо.

— И свет. — Она поморщилась. — Ладно. Неважно. Пока.

Она ушла. Я закрыла за ней дверь, вернулась на кухню и выключила геолокацию. Минут десять искала, где это делается, потом нашла. Потом подумала про свет. Что она хотела сказать про свет? Наверное, что-то профессиональное.

Её кружка стояла на столе, в ней осталась ровно половина остывшего чая. Я сфотографировала её рядом со своей, пустой. Без окна.

Интерлюдия

[Фото: две кружки на кухонном столе. Одна пустая, во второй остывший чай до половины.]

vera_9liniya

Приходила дочь. Мы поспорили, кто из нас лучше понимает, как устроен интернет. По-моему, никто. Чай она не допила, зато сняла пальто. Для нас это хороший разговор.

♥ 74 902 · комментариев: 3 118

svetlana_mk мой сын тоже просил удалить фото, где я в купальнике. я не удалила. теперь он сам его ставит на аватарку в мой день рождения)))

olga.stom.spb Вера, вы чудесная! (и мы бы очень хотели с вами посотрудничать, напишите в директ)

lena.k а муж что?

anon_8812 мамаша позорит взрослых детей, стыдно

g.semenova Сняла пальто. Значит, придёт ещё.

tatiana.tver дочки они такие. моя тоже «мама не позорь». а потом звонит спросить, как варить борщ

Глава 5
Двести тысяч

Через три недели нас стало двести тысяч.

Я пишу «нас», потому что не знаю, как сказать иначе. «Подписчиков» звучит как в отчёте у Алисы. «Читательниц» звучит так, будто я пишу роман. А они просто приходят каждый вечер, как соседки на лавочку, садятся и ждут, что я расскажу. Двести тысяч соседок. На нашей лавочке во дворе помещается четыре.

За эти три недели я выложила двадцать один пост, по одному в день. Правил у меня было три, и два из них придумала Алиса, хотя я ей об этом не говорила. Не показывать вид из окна. Отвечать тем, кто пишет нормально. А третье я придумала сама: никаких фильтров.

Я выкладывала то, что было. Светлые пятна на обоях в комнате Макса при дневном свете и при лампе: при лампе они похожи на окна в другую комнату. Гитару Макса с одной оборванной струной, которую он не взял, потому что «там купит новую». Список покупок на холодильнике: «хлеб, молоко, гречка, ответить Тане из Твери». Кружку с работы. Ещё раз суп, потому что суп у меня теперь всегда получается на троих, и я перестала с этим бороться.

Однажды выложила термос Марка. Он стоял на подоконнике и сох после мытья, с этой своей синей изолентой на крышке. Я написала: «Муж пятнадцать лет ездит на работу с одним термосом. Я два раза предлагала купить новый. Он говорит: „Этот работает“. Про себя он, кажется, думает так же». Это был первый пост, где я написала про Марка. Под ним было восемь тысяч комментариев. Женщины писали про своих мужей и их термосы, бритвы, свитера, «которые я выкинула в девяносто девятом, а он достал из мусорки». Одна написала: «Берегите его. Таких больше не делают». Я не поняла, про кого она, про термос или про мужа.

Лена из комментариев, конечно, спросила: «А муж что?»

* * *

Ира приходила два раза в неделю и учила меня снимать.

— Не снизу, — говорила она и отбирала у меня телефон. — Никогда снизу. Снизу у всех после пятидесяти три подбородка. Даже у Моники Беллуччи. Держи на уровне груди. Вот так. И к окну, к окну вставай.

— Алиса сказала, что окно нельзя.

— Окно в кадре нельзя. А свет от окна можно. Это разные вещи. Северный свет, Вера. Как у голландцев. Ты думаешь, почему у них на картинах все такие? Потому что окна на север.

Ира закончила художественную школу в восемьдесят третьем, потом тридцать лет снимала чужие свадьбы и считает себя специалистом по свету. Иногда это правда.

Однажды она нашла у меня в телефоне фильтр, который назывался «Тёплое утро».

— Вот. Чуть-чуть. Смотри, как сразу.

На экране я была как будто после отпуска. Моложе лет на пять, розовее, глаже. Я долго смотрела. Это была очень симпатичная женщина. Я бы с ней, наверное, подружилась.

— Нет, — сказала я.

— Ты стала часто говорить «нет», — сказала Ира и прищурилась.

— Учусь.

— Ну учись, учись. — Она убрала телефон. — Только мне потом не жалуйся, когда тебе напишут, что ты постарела.

Мне писали, что я постарела. Писали, что я молодо выгляжу для своих лет. Писали, что я страшная, и что красивая, и что я выгляжу «как нормальная женщина, наконец-то». Последнее мне понравилось больше всего.

* * *

В агентстве я теперь сидела в углу у окна, за столом, где раньше стоял принтер. Принтер переехал. Я переехала на его место. Тимур присылал мне тексты, которые они написали с Кларой, я их правила.

Клара очень любила выражение «погрузитесь в мир». В первом тексте, про банк, оно встретилось семь раз. Во втором, про корм для кошек, пять. Я вычёркивала его аккуратно, по одному, и писала на полях, почему. Тимур читал мои пометки, кивал и говорил: «Вера Николаевна, это прям мастер-класс». Через день Клара опять писала «погрузитесь в мир». Тимур объяснил, что её нельзя научить, её можно только «перепромптить» (это когда просишь то же самое другими словами и надеешься; я так с клиентами всю жизнь работаю).

В пятницу Кира проходила мимо моего стола и увидела, что у меня открыта моя страница. Я как раз отвечала женщине из Норильска, которая третий год не может уговорить дочь приехать на Новый год.

— Ого, — сказала Кира. — Сто пятьдесят?

— Сто пятьдесят три.

— Супер. — Она постояла. — Вера Николаевна, вы же помните, у нас в договоре есть пункт про публичные высказывания? Ну, чтобы не было конфликта интересов.

— Я пишу про суп, — сказала я.

— Нет-нет, я ничего такого. Просто на всякий случай. — Кира улыбнулась и пошла дальше, в «Скорость».

Я дописала ответ женщине из Норильска и вернулась к Клариному тексту.

* * *

Под каждым моим постом был комментарий от g.semenova. Каждый день, без пропусков. Она никогда не писала первой, приходила часа через два после публикации, когда схлынет первая волна. Писала коротко, одну-две фразы, всегда без ошибок, со всеми запятыми, «Вы» с большой буквы. Под термосом она написала: «Вещи, которые работают, не выбрасывают». Под гитарой: «Струну можно поставить новую. Но он, наверное, хочет сам».

Я поймала себя на том, что жду её. Публикую пост, отвечаю всем, кто пишет нормально, и всё время поглядываю: пришла или нет. Когда приходила, мне становилось спокойно, как бывает, когда в соседней квартире зажигается свет.

Однажды я открыла её страницу. Там ничего не было: ни фотографии, ни одного поста. Подписок одна: я. Мне стало немножко не по себе, и сразу стало стыдно, что не по себе. Ну подписалась пожилая женщина на одну страницу. Мало ли. Может, она ради этого и завела.

В середине октября её комментария не было весь день. Я проверяла до ночи. Марк спросил, чего я не сплю, и я сказала: «Жду». Он не спросил, чего.

На следующий день она написала под новым постом: «Простите, вчера не смогла. Была у врача, всё в порядке». Я ответила: «Слава богу». И только потом сообразила, что за весь вчерашний день ни разу не подумала, что её могло просто не быть. Ну, вообще. Она у меня уже была.

* * *

Уведомление пришло в четверг, когда я сидела на кухне с ноутбуком и правила Кларин текст про страхование.

«mark.v.1965 нравится ваша публикация · 11:40».

Я сначала не поняла, кто это. Потом поняла. Это был Марк. У Марка, оказывается, была страница. Пустая, без единой фотографии, с серым кружком вместо аватарки. Он поставил сердечко под термосом. Под своим собственным термосом. Это был первый его лайк, который я заметила. Потом я пролистала назад и нашла его сердечко под кружкой, ещё сентябрьское. Одно из шестидесяти тысяч, попробуй заметь.

Я сидела и смотрела на это уведомление. Сердце у меня стучало, как будто мне шестнадцать и мальчик из параллельного класса посмотрел в мою сторону на линейке. Время я видела, оно там было написано, но не подумала о нём. Я думала только о том, что он видел. Что он читал. Что он, значит, знает, что я написала «про себя он, кажется, думает так же».

Вечером он пришёл в половине седьмого. Мы ели гречку. Я ждала, что он скажет. Он не сказал. Я тоже не сказала. Мы оба знали про это сердечко и оба делали вид, что не знаем.

* * *

Двести тысяч случилось в воскресенье вечером. Ира позвонила через минуту, как будто сидела и караулила.

— Двести! — закричала она в трубку. — Вера! Двести тысяч человек!

— Я вижу.

— Ты понимаешь, что скоро тебе начнут предлагать деньги?

— За что?

— Ну как за что. За то, что ты есть. Вот увидишь.

Я посмеялась и положила трубку. Вышла на кухню. Марк сидел у телевизора, где шло что-то про рыбалку, и, кажется, дремал. Термос стоял на подоконнике, чистый, перевёрнутый вверх дном.

— Двести тысяч, — сказала я.

Он открыл глаза.

— Чего?

— Человек.

— Угу, — сказал Марк.

Я пошла к себе, в комнату Макса. Через минуту услышала из кухни:

— Это много.

Я остановилась в коридоре и постояла так немного. Потом пошла отвечать.

Интерлюдия

[Фото: скамейка во дворе-колодце, на ней пакет из булочной. Рядом никого.]

vera_9liniya

Нас двести тысяч. Я не знаю, что с этим делают, поэтому сходила за хлебом. На нашей скамейке во дворе помещается четыре человека. Вас немного больше. Спасибо, что сидите.

♥ 98 006 · комментариев: 6 430

tatiana.tver Таня из Твери на месте! спасибо что ответили тогда
marina_1967 200 000!!! а я тут с первого дня ♥
olga.stom.spb Вера, напишите нам в директ, пожалуйста!!
lena.k а муж что?))) (да, это опять я)
g.semenova Хлеб — правильное решение.
Нравится: alisa.pr, mark.v.1965 и ещё 98 004

Глава 6
По соглашению сторон

В последнюю пятницу октября Кира позвала меня в «Честность».

В «Честности» я раньше не бывала. Это самая маленькая переговорка, без окна. Там стоят два настоящих стула и стол, а на стене висит постер с котом в очках. Говорят, в «Честность» зовут, когда надо сказать то, что в «Смелости» не говорят. Тимур как-то пошутил, что из «Честности» ещё никто не вышел с повышением. Тогда все смеялись.

Кроме Киры там сидела Полина из отдела кадров. Полину я знала ещё Полиной из бухгалтерии, а до этого Полиной-стажёркой, которая плакала в туалете, потому что перепутала счета. Я тогда принесла ей чай и шоколадку. Теперь Полина сидела с папкой и смотрела в стол.

— Вера Николаевна, — сказала Кира. — Мы очень ценим…

Я уже знала, что будет дальше. Я сама сто раз писала такие письма за других людей. «Мы очень ценим ваш вклад». «В связи с изменением стратегии». «Мы уверены, что ваш опыт будет востребован». Последнюю фразу я когда-то сама придумала для одного банка, и с тех пор её используют, кажется, все. Слышать свой текст, обращённый к тебе, странно. Как будто тебе читают твоё же письмо, которое ты когда-то отправила по ошибке не тому человеку.

Но сначала Кира сказала другое.

— У нас есть предложение, — сказала она и даже подалась вперёд. — Ваш блог. Это же готовый актив. Двести тысяч, вовлечённость как у звезды. Давайте мы его возьмём в работу. Агентство будет искать вам интеграции, вести переговоры, делать контент-план. Вы ничего не теряете, только приобретаете. Ну и, соответственно, комиссия агентства. Стандартная.

— Какая?

— Тридцать процентов.

Полина стала смотреть в стол ещё внимательнее.

Я подумала про платье. Про то, как Ира стояла на стуле с кружкой. Про Таню из Твери и её дочь в Казани. Про g.semenova, которая была у врача. Всё это вдруг оказалось «активом». Туда будут встраивать интеграции (это когда в посте про суп вдруг появляется мультиварка со скидкой), а треть отдавать агентству.

— Нет, — сказала я.

Это было, наверное, моё пятое «нет» за месяц. Я их уже не считала.

Кира кивнула, как будто так и думала. Видимо, у неё было два листочка, на «да» и на «нет», и теперь она взяла второй.

— Тогда, к сожалению… — сказала она и посмотрела на Полину.

Полина открыла папку.

Это называлось «соглашение сторон». Две стороны соглашаются, что одной из них здесь больше нет. Мне полагалось два оклада и деньги за отпуск, который я не отгуляла летом, потому что летом мы сдавали проект для молочного комбината. Тот самый, с трамваями. Я подписала. Полина очень тихо сказала «спасибо» и покраснела до ушей. Мне захотелось принести ей чай и шоколадку. Я не принесла. Это было уже не моё дело.

* * *

Коробку мне дал завхоз. Хорошая коробка, крепкая, из-под бумаги для принтера. В неё поместилась вся моя работа: кружка «Лучший копирайтер 2009», серая кофта, которая жила на спинке стула на случай, если дует, три ручки, фотография детей в рамке и бронзовая статуэтка с фестиваля. Статуэтка оказалась тяжелее, чем я думала. Я, кажется, ни разу не брала её в руки с тех пор, как поставила на полку. Кактус, который Наташа подарила перед отъездом в Анапу, я оставила на подоконнике. Пусть стоит.

Тимур помог донести коробку до такси. До самой машины он молчал, а у машины вдруг сказал:

— Вера Николаевна, это несправедливо.

— Тимур, — сказала я. — Всё, что напишет Клара, читай вслух. Прежде чем отправить. Обещаешь?

— Обещаю, — сказал он и, кажется, чуть не заплакал. В свитере с оленями, двадцать шесть лет. Хороший мальчик. Надеюсь, Клара его не съест.

* * *

В такси я посчитала. Два оклада и отпускные. Если ничего не покупать, кроме еды, хватит, наверное, до Нового года. До пенсии год. Это я тоже посчитала и дальше считать не стала.

Дома я первым делом спрятала коробку. Сама не знаю, почему так сразу, даже не разувшись. Отнесла её в комнату Макса, встала на стул, тот самый, на котором стояла Ира, и задвинула на антресоль. Туда, где месяц назад лежало синее платье. Платье теперь висело в шкафу на плечиках. А коробка заняла его место.

Кружку я оставила. Вынула из коробки и поставила на кухне, на подоконник, где по вечерам сохнет Марков термос.

Вечером Марк пришёл в половине седьмого и посмотрел на кружку.

— Это с работы?

— Да. — Ответ я придумала заранее, ещё в такси. Хороший текст: короткий, без лишних деталей. — Меня перевели на удалёнку. Полностью. Теперь работаю из дома.

— Это хорошо? — спросил он.

— Это удобно.

Он кивнул. Помолчал. Потом сказал:

— Удобно, да.

И как-то странно на меня посмотрел, долго, как будто хотел что-то спросить. Я испугалась, что спросит. Но он не спросил. Ушёл в комнату переодеваться.

Его ботинки стояли в прихожей под вешалкой, и я, сама не знаю зачем, на них посмотрела. Чистые. На объекте бетон, пыль, а эти хоть сейчас в театр. Я решила, что он протёр их в машине. И что он просто устал.

* * *

В понедельник в семь двадцать Марк надел пиджак.

— Ну, я работать.

— Пока.

Дверь закрылась. Я слышала, как он спускается по лестнице: второй этаж, первый, хлопнула дверь парадной. Потом я налила себе кофе, села за кухонный стол и открыла ноутбук.

Открыла и стала на него смотреть. Почты не было. Тимур не присылал тексты. Кира не писала «Вера Николаевна, доброе утро!». Из рабочего чата меня уже удалили. Там было написано «Вы больше не участник группы», и это была, наверное, самая честная фраза, которую я прочитала в этом агентстве.

Ноутбук был мой, старый, с наклейкой «Не забыть» на крышке. Её наклеил Макс в седьмом классе. Я так и не вспомнила, что именно нельзя было забывать.

Я посидела так полчаса. Потом открыла приложение и начала писать пост.

Так у меня началась удалёнка.

Дальше всё повторялось. В семь двадцать Марк надевал пиджак и говорил: «Ну, я работать». В семь двадцать пять я открывала ноутбук и тоже говорила вслух, в пустую кухню: «Ну, я работать». Не знаю зачем. Наверное, чтобы было кому. Потом рассылала резюме. За две недели в одиннадцать агентств. Ответили из одного: «Спасибо, мы сохраним ваши данные в базе».

Я тогда думала, что из нас двоих притворяюсь одна я.

Интерлюдия

[Фото: кружка «Лучший копирайтер 2009» на кухонном столе, рядом старый ноутбук с наклейкой «Не забыть».]

vera_9liniya

Кружка переехала домой. Теперь работаю отсюда, с кухни. Коллеги у меня теперь холодильник и термос мужа. Холодильник гудит, термос молчит. Обстановка в коллективе спокойная.

♥ 87 210 · комментариев: 4 002

marina_1967 удалёнка это счастье!!! я три года так, в пижаме)))

nadezhda_ekb «удалёнка» ;) я тоже так мужу говорила полгода. держитесь, Вера. если надо поговорить, пишите

olga.stom.spb Вера, раз вы теперь из дома, может, найдёте время для нас?))

lena.k а муж что?

g.semenova Кружку Вы всё-таки не отдали. Это правильно.

Глава 7
Шестьдесят (Марк)

Собеседование назначили на четверг, на одиннадцать.

Марк встал в шесть, на пятнадцать минут раньше обычного, и погладил рубашку. Гладил на кухне, на сложенном вдвое полотенце, потому что гладильная доска скрипит, а Вера ещё спала. Рубашки он гладил сам лет с двадцати, ещё со стройотряда. Вера сначала обижалась, потом привыкла.

В папку он положил диплом ЛИИЖТа восемьдесят восьмого года, трудовую, хотя трудовую теперь никто не спрашивает, и список объектов. Список он составил вчера в машине, на парковке на Московском. Вышло четырнадцать объектов за тридцать семь лет. Школа в Колпине. Два моста через речки, которых никто не знает. Жилой квартал на Охте. Реконструкция пожарной части. Он долго смотрел на этот список. Четырнадцать строчек. Он думал, что будет больше.

Компания называлась «Невский квартал». Офис на одиннадцатом этаже стеклянного здания, где в лифте играла музыка. На ресепшене ему выдали бейдж «Гость». Он прицепил его на пиджак и подумал, что это, в общем, точно.

Его встретили двое. Девушка из отдела персонала, Алина, лет двадцати пяти, с длинными ногтями, каждый своего цвета. И руководитель проектного отдела Артём, лет тридцати четырёх, в кроссовках и толстовке. На толстовке было написано по-английски что-то про кофе.

— Расскажите о себе, — сказала Алина.

— Инженер-проектировщик, — сказал Марк. — Тридцать семь лет стажа. Последние двенадцать лет главным инженером проекта.

Он замолчал. Алина ждала. Он понял, что надо говорить ещё, но не знал что, и протянул папку.

Артём папку открыл, полистал, кивнул на список объектов.

— Солидно, — сказал он. — А в BIM работали? Revit, Renga?

— Revit знаю, — сказал Марк. — Не люблю. Но знаю.

Артём засмеялся. Марку показалось, что по-доброму.

— А почему ушли с прошлого места?

— Сократили.

— Ну, сейчас у всех так, — сказал Артём. — Рынок.

Потом Алина спрашивала, как он относится к работе в команде, где средний возраст двадцать девять лет. Марк сказал, что нормально. У него двое детей, им тридцать два и двадцать четыре, он со всеми возрастами находил общий язык. Алина улыбнулась и что-то записала. Потом спросила про его сильные стороны. Марк сказал: «Считаю». Она ждала продолжения. Продолжения не было.

Через сорок минут Алина сказала, что они обязательно перезвонят, и проводила его до лифта. В лифте опять играла музыка.

Ответ пришёл на почту через два дня, в субботу. «Марк Борисович, благодарим вас за интерес к нашей компании. К сожалению, на данный момент мы сделали выбор в пользу более гибкого кандидата».

Марк перечитал письмо три раза. Он не понял, что значит «гибкий». В голове почему-то возник гимнаст на кольцах. Он подумал, что Вера бы сразу объяснила. Она такие письма

понимала с полуслова, могла по одной фразе сказать, кто писал, сколько ему лет и что он на самом деле имел в виду. Он почти пошёл к ней. Остановился в коридоре.

Если спросить её про письмо, она спросит, что за письмо. Он закрыл почту.

* * *

На следующей неделе было второе собеседование, в Купчине, в маленькой конторе технадзора на первом этаже жилого дома. Хозяин, Сергей Павлович, был его ровесник, с усами и в свитере с кожаными заплатками на локтях. Говорил он прямо.

— Я тебя возьму, Борисыч, — сказал он через десять минут. — Ты нормальный, видно. Но платить буду как студенту. И первые три месяца без договора, сам понимаешь. Объекты по области, ездить на своей.

— Подумаю, — сказал Марк.

— Думай, — сказал Сергей Павлович. — Только недолго. Сейчас таких, как мы, много.

Марк сел в машину и долго не заводил. Таких, как мы. Главный инженер проекта, тридцать семь лет стажа, четырнадцать объектов. Такой, как мы.

* * *

По вечерам, в машине во дворе, он читал Верину страницу.

Он прочитал её всю, от первого поста про куличи. Читал комментарии, сколько мог. Больше всего ему нравилось, что она отвечает. Ей пишет какая-нибудь Таня из Твери или Надежда из Екатеринбурга, а она отвечает. По-человечески, двумя словами, но так, что понятно: прочитала. За тридцать три года он ни разу не видел, как Вера разговаривает с чужими людьми. Как-то не приходилось. На работе он её не видел, а дома она разговаривала с ним, с детьми и с Ирой.

Под каждым постом кто-нибудь спрашивал: «А муж что?» Чаще всех спрашивала lena.k. Марк посчитал: сорок шесть раз.

Однажды вечером он нажал «ответить». Набрал: «Муж здесь». Посмотрел на это. Стёр. Набрал: «Муж работает». Палец остановился над кнопкой. Это была бы неправда, и её прочитали бы двести тысяч человек. Он стёр, поставил сердечко и закрыл телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.